

СТЕНОГРАММА № 1

заседания диссертационного совета Д212.088.01
при федеральном государственном бюджетном образовательном
учреждении высшего образования
«Кемеровский государственный университет»
от «21» декабря 2018 г.

На заседании диссертационного совета присутствовали 16 членов совета из 21, в том числе 6 докторов наук по профилю рассматриваемой диссертации:

1. Л. А. Араева, доктор филологических наук – 10.02.19;
2. Н. В. Мельник, доктор филологических наук – 10.02.01;
3. М. Н. Образцова, кандидат филологических наук – 10.02.01;
4. К. И. Бринев, доктор филологических наук – 10.02.01;
5. Н. Д. Голев, доктор филологических наук – 10.02.01;
6. О. Н. Кондратьева, доктор филологических наук – 10.02.01;
7. В. А. Каменева, доктор филологических наук – 10.02.19;
8. А. В. Колмогорова, доктор филологических наук – 10.02.19;
9. Н. Б. Лебедева, доктор филологических наук – 10.02.01;
10. З. И. Резанова, доктор филологических наук – 10.02.01;
11. О. В. Фельде, доктор филологических наук – 10.02.01;
12. А. Г. Фомин, доктор филологических наук – 10.02.19;
13. Л. Г. Ким, доктор филологических наук – 10.02.01;
14. К. А. Шишигин, доктор филологических наук – 10.02.19;
15. М. Г. Шкуропацкая, доктор филологических наук – 10.02.01;
16. Е. Б. Трофимова, доктор филологических наук – 10.02.19.

Заседание проходит при председательстве Араевой Л. А., докторе филологических наук (председателе совета), секретаре М. Н. Образцовой, кандидате филологических наук (ученом секретаре совета).

Председательствующий сообщает о наличии кворума и объявляет заседание открытым.

ПОВЕСТКА ЗАСЕДАНИЯ

Защита диссертации Миклашевского Алексея Алексеевича «Перцептивная и пространственная семантика русских существительных: экспериментальное исследование», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности, 10.02.19. – теория языка.

Диссертация выполнена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения

высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Министерство образования и науки Российской Федерации.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Резанова Зоя Ивановна, заведующий кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Тимофеева Мария Кирилловна, гражданка Российской Федерации, доктор филологических наук по специальности 10.02.19. – Теория языка, старший научный сотрудник Института математики СО РАН, заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ, г. Новосибирск;

Власов Михаил Сергеевич, гражданин Российской Федерации, кандидат филологических наук по специальности 10.02.19. – Теория языка, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина», Министерство науки и высшего образования РФ, г. Бийск.

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Министерство науки и высшего образования РФ, г. Москва.

Араева Л. А.: Слово для ознакомления с документами и материалами, имеющимися в деле, предоставляется ученому секретарю.

Образцова М. Н.: Миклашевский Алексей Алексеевич родился 31 марта 1992 г., в 2013 г. окончил бакалавриат Томского государственного университета по направлению «Филология», в 2015 г. окончил магистратуру Томского государственного университета по направлению подготовки «Когнитивная лингвистика», в 2015-2018 г.г. обучался в аспирантуре Томского государственного университета по специальности 10.02.19 «Теория языка», которую успешно закончил в 2018 г.

В настоящий момент Миклашевский А.А. является научным сотрудником Потсдамского университета (Германия), а также научным сотрудником Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета. Общий стаж научно-педагогической работы составляет 5 лет.

При прохождении промежуточной аттестации во время обучения в аспирантуре А.А. Миклашевский успешно сдал следующие кандидатские минимумы:

1. История и философия науки (филологические науки) – отлично;
2. Иностранный язык (английский) – отлично;

3. Теория языка – отлично.

В сферу научных интересов А.А. Миклашевского входит когнитивная лингвистика, когнитивная. А.А. Миклашевский неоднократно принимал участие в научных конференциях различного ранга.

По теме диссертации опубликовано 6 научных работ, из них 4 статьи в журналах, включенных в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, из которых 3 статьи – в журналах, входящих в базы цитирований Scopus/Web of Science.

В деле соискателя содержатся следующие документы:

- а) личное заявление,
- б) нотариально заверенная копия диплома о высшем образовании (с приложением);
- в) удостоверение о сдаче кандидатских экзаменов;
- г) переплетенные рукописи диссертации;
- д) отпечатанный автореферат;
- е) заключение кафедры, на которой выполнялась диссертация;
- ж) отзыв научного руководителя;
- з) отзывы официальных оппонентов, ведущей организации; отзывы, поступившие на автореферат;
- и) реестр адресов, по которым направлен автореферат.

Все документы по объему, форме и содержанию соответствуют предъявляемым к ним требованиям.

Араева Л. А.: Спасибо, Мария Николаевна. Слово для изложения содержания диссертации предоставляется соискателю.

Миклашевский А.А.: Уважаемая председатель, уважаемые члены совета, уважаемые присутствующие, вашему вниманию предлагается диссертационное исследование **«Перцептивная и пространственная семантика русских существительных: экспериментальное исследование»** на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка. Работа выполнена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Национального исследовательского Томского государственного университета под научным руководством доктора филологических наук, профессора Резановой Зои Ивановны.

Соотношение языка и восприятия является фундаментальной научной проблемой, которая рассматривается в рамках разных дисциплин. При этом возможны два подхода к решению этой проблемы. Один из них – это подход от языка к восприятию, то есть ставится вопрос о том, как язык определяет наше восприятие действительности. Этот подход более известен как гипотеза Сепира-Уорфа или гипотеза лингвистической относительности. Также эта проблема рассматривается в рамках исследования языковой категоризации мира. Вторым подходом, идущим в другом направлении, является переход от

действительности, которая воспринимается через органы чувств, к языку; то есть ставится вопрос о том, как эта действительность репрезентирована в языке. Именно в этом направлении я иду в своей работе: я перехожу от восприятия реальности к репрезентации этой реальности в языковых единицах.

В своем исследовании я опираюсь на теорию воплощенного познания, в соответствии с которой связь между языком и восприятием неразрывна на разных уровнях, вплоть до нейрофизиологического уровня: язык и восприятие обслуживаются частично пересекающимися мозговыми структурами. Теория воплощенного познания также утверждает о природе репрезентаций, что любое знание имеет модально специфическую природу.

В своей работе я также использую такие термины, как офлайн- и онлайн-режимы существования и исследования языка. Под офлайн-режимом понимается язык как хранилище знаний, все наше знание о языке или знание о мире, которое связано с языковыми единицами, в сознании. Под онлайн-режимом понимается все, что связано с протеканием языковых процессов и когнитивных процессов, имеющих отношение к языку, во времени, то есть, активация такого знания.

Объектом моего исследования является перцептивная и пространственная семантика русских существительных. Предметом исследования является организация такой семантики в сознании (офлайн-режим) и процессы ее активации во времени (онлайн-режим). Перцептивная и пространственная семантика рассматривается как для всей выборки существительных в целом, так и по отдельным семантическим категориям. Цель работы – доказать наличие перцептивной и пространственной семантики в структуре существительных и описать такую семантику для различных семантических групп.

Теоретическая актуальность данного исследования связана с необходимостью выявить закономерности хранения перцептивной и пространственной информации в сознании, что позволит объяснить те эффекты, которые уже были выявлены в экспериментальных исследованиях воплощенного познания и описаны в диссертационном исследовании, а также предсказать новые эффекты. Методологическая актуальность связана с необходимостью интеграции знания о природе сознания и работе познавательных механизмов, которое получено в разных науках когнитивного цикла, одной из которых является когнитивная лингвистика. Соответственно, для лингвистики эта цель формулируется как необходимость выработать такое описание семантики, которое будет учитывать уже имеющиеся знания о работе познавательных механизмов человека. Дополнительной актуальностью работа обладает потому, что в ней представлены математические и статистические методы обработки языковой семантики. Развитие таких методов актуально в настоящий момент для лингвистики.

В работе используются различные исследовательские методы – как психолингвистические, экспериментальные когнитивные методы, так и методы математического моделирования.

Материалом исследования послужили 506 русских существительных 16 семантических категорий, которые были отобраны в соответствии с принципами, принятыми в такого рода исследованиях. На данном слайде вы можете видеть примеры таких категорий. Слева указаны наименования категорий, в работу вошли как конкретные, так и абстрактные категории.

Первая часть исследования – это офлайн-исследование. Я напоминаю: вопрос заключается в том, как хранится перцептивная и пространственная информация, связанная с языковыми единицами, в сознании человека. В ходе этой части исследования были собраны данные по различным психолингвистическим переменным, а именно сила связи каждого слова с различными каналами восприятия, которые я обозначил как рейтинги модальности, то есть, насколько слово связано со зрением, со слухом, со вкусом, обонянием и осязанием; также была включена образность языковых единиц; возможность манипулировать объектом при помощи рук; расположение референта в пространстве по вертикальной шкале верх-низ; субъективная и объективная частотность; возраст понимания и длина слова. Всего на данном этапе приняли участие 558 человек, было собрано около 150 000 оценок. На основе полученных данных был проведен факторный анализ для переменных и выделены 4 фактора, которые представлены в таблице на слайде: первый фактор образуют переменные зрительная модальность, тактильная модальность, образность, возможность манипулировать объектом при помощи руки и возраст усвоения; я обозначил этот фактор как зрительно-моторный опыт, связанный со словом. Второй фактор – это форма и функционирование слова; он включает в себя длину, частотность и возраст усвоения слова. Третий фактор – это связь с обонянием и вкусом, которые выделены в отдельный компонент. Четвертый фактор – это пространственная локализация на вертикальной шкале. Аудиальная модальность не вошла ни в один из факторов. Затем для каждого слова были рассчитаны оценки по каждому из факторов, и далее я работаю непосредственно с этими оценками. На данном графике представлены 16 семантических категорий, которые использовались в исследовании, отсортированные от меньшего к большему по их значению по фактору 1. Аналогичные графики для других факторов представлены в раздаточном материале.

Дополнительной задачей была проверка широко известной ориентационной метафоры «положительное – это верх, отрицательное – это низ» для существительных, которые обозначают названия эмоций. Были собраны дополнительные оценки по степени положительности выражаемой эмоции. Была выявлена положительная корреляция между степенью положительности обозначаемой эмоции и положением в вертикальном пространстве. Данная корреляция представлена на графике. Также было проведено сравнение конкретных и абстрактных существительных друг с

другом по каждому из факторов. На данном графике представлены конкретные и абстрактные существительные, значения по фактору 1. Аналогичные графики по другим факторам представлены в раздаточном материале.

На следующем этапе исследования, в онлайн-части исследования, были собраны данные о времени реакции при выполнении задачи лексического решения. На данном этапе приняли участие 126 респондентов, было собрано около 27 000 индивидуальных реакций. Был проведен регрессионный анализ с выявленными ранее факторами в качестве предикторов и временем реакции в качестве зависимой переменной; была построена регрессионная модель. На данном графике указаны только значимые предикторы: фактор 2 с максимальным коэффициентом; фактор 1 с небольшим, но значимым коэффициентом; фактор 3, также с небольшим, но значимым коэффициентом. Эти факторы предсказывают время реакции в процессе принятия лексического решения, то есть, в процессе идентификации слова. Аналогичный анализ был проведен только для выборки абстрактных существительных отдельно, и здесь также был выявлен фактор 2, как наиболее важный для предсказания времени реакции; фактор 1 также значим.

Хотелось бы сделать выводы по проведенному исследованию. Во-первых, в исследовании было показано, что существительные различных семантических категорий, как конкретные, так и абстрактные, обладают перцептивной и пространственной семантикой; такая семантика описана в работе для различных категорий. Во-вторых, при хранении в сознании перцептивная семантика распадается на 3 отдельных компонента: (1) зрительно-моторный опыт, связанный со словом; (2) вкусовые и обонятельные ощущения; (3) аудиальный компонент, который остается отдельно. Пространственная семантика также образует отдельный фактор. В-третьих, конкретные существительные значимо сильнее связаны со зрительно-моторными, вкусовыми и обонятельными ощущениями, чем абстрактные; при этом между конкретными и абстрактными существительными нет разницы по их связи с аудиальными ощущениями. В-четвертых, абстрактные существительные сильнее связаны с верхним пространством относительно человеческого тела, чем конкретные существительные. В-пятых, перцептивная семантика активируется без контроля сознания, даже при такой поверхностной задаче, как задача лексического решения. В-шестых, зрительно-моторный опыт, связанный со словом, увеличивает время при распознавании как конкретных, так и абстрактных существительных.

Как уже было сказано, результаты исследования опубликованы в 6 публикациях, 4 из которых входят в списки ВАК, Web of Science и Scopus. Спасибо за внимание.

Араева Л. А.: Спасибо. Какие вопросы будут к Алексею Алексеевичу? Пожалуйста, Андрей Геннадьевич.

Фомин А.Г.: Скажите, пожалуйста, по поводу эксперимента, – это большая часть Вашего исследования, – кто был респондентом?

Миклашевский А.А.: Как обычно в таких исследованиях, это, прежде всего, студенты-лингвисты и психологи.

Фомин А.Г.: То есть, студенческая аудитория?

Миклашевский А.А.: Да. Если мы говорим про первую часть исследования, то я старался собирать как можно более разнообразную выборку по специальностям, ходил на другие факультеты. В офлайн-части исследования, там, где 500 примерно участников исследования, там есть технические специальности, естественно-научные и гуманитарные. Во второй части исследования больше всего принимали участие студенты-лингвисты.

Араева Л.А.: Пожалуйста, Анастасия Владимировна.

Колмогорова А.В.: Алексей Алексеевич, у меня вопрос по поводу понимания. Вы делаете интересный вывод о том, что существительные абстрактной семантики связаны с восприятием верхней части человеческого тела. Мне интересно, как это было установлено. Я не читала, к сожалению, работу.

Миклашевский А.А.: Как я сказал, на первом этапе исследования мы собирали данные, используя шкалу Ликерта от одного до семи, и использовалось задание: «Укажите, пожалуйста, насколько высоко расположено в пространстве то или иное явление», - но при этом респонденты получали не только конкретные, но и абстрактные существительные. Они должны были выставить оценку и для абстрактных явлений, которые в принципе не представлены в физическом мире, но у людей есть некое представление, ассоциация с верхней или нижней частью пространства. На каждое существительное было собрано от 25 до 30 таких оценок, они были усреднены, и проведено сравнение по этим данным конкретных и абстрактных существительных между собой.

Колмогорова А.В.: Означает ли это, что шкала Ликерта референциально соотносится с человеческим телом? Что является единицей этой шкалы? На основании чего делается вывод, что именно верхняя часть человеческого тела?

Миклашевский А.А.: Шкала Ликерта не соотносится сама по себе с человеческим телом. Здесь фраза про человеческое тело играет другую роль, больше концептуальную, потому что мы знаем, что существуют разные системы координат в пространстве. Есть абсолютная система координат, в которой наше субъективное пространство не играет никакой роли. Есть система координат относительно предмета, например, передняя или задняя

часть здания – здесь я даю пространственные координаты относительно какого-то объекта. В данном случае речь идет о субъективной системе координат, где мое собственное тело является точкой отсчета при измерении. Что значит высоко или низко для человека? Это значит выше или ниже моей линии зрения.

Колмогорова А.В.: Я все равно не поняла, как это соотносится со шкалой Ликерта.

Миклашевский А.А.: Если я нарисую Вам шкалу Ликерта и скажу: «Здесь один, два, три, четыре...», - и так далее, до семи, и потом попрошу оценить, насколько высоко или низко расположен тот или иной объект, и у Вас есть список, допустим, из 60 слов, и Вы видите, что там есть, например, впадина, ботинок, птица, счастье, печаль. И Вы должны просто выставить эти оценки по шкале. Естественно, что Вы будете ориентироваться относительно своего тела.

Голев Н.Д.: Я не буду оригинальным, задам вопрос о значении союза и в заголовке «Перцептивная и пространственная семантика...»: имеется в виду, что это некая оппозиция, которую Вы исследуете, в чем отличие перцептивной и пространственной семантики; либо это некий сочинительный ряд, который можно продолжать – пространственная, и так далее?

Миклашевский А.А.: Это сочинительный ряд.

Голев Н.Д.: То есть, оппозиции у Вас нет. Тогда такой вопрос. Вы пишете, что отбор материала осуществлялся по неким методам, принятым в такого рода исследованиях. Поясните, пожалуйста, на основании чего выбран ряд, скажем, абрикос, груша, лук, а в этом ряду именно эти три члена? Что за принципы, по которым выбран материал, начиная с общих – перцептивные, пространственные, а не временные и не какие-то другие, и дальнейшие ограничения? То есть, каковы принципы отбора материала?

Миклашевский А.А.: Спасибо за вопрос. Материал отбирался в соответствии с тем, насколько репрезентативны те или иные единицы в составе групп. Начнем с групп, наверное: сами группы были отобраны на основе тех работ, которые я читал по этой теме. Они выполнены, в основном, на материале английского языка, но также и некоторых других языков. Группы существительных выделены, исходя из антропоцентрического принципа, то есть на основе того, какую роль те или иные объекты играют в жизни человека.

Голев Н.Д.: Кто эту роль зафиксировал? Кто или что эту роль зафиксировало?

Миклашевский А.А.: Как я уже сказал, я опирался здесь на опубликованные работы. В этих работах приняты такие группы.

Голев Н.Д.: Приняты или играют роль? Это разные вещи.

Миклашевский А.А.: Я понимаю логику выстраивания этих групп, и я согласен с этой логикой. Я разделяю мнение, что для исследования данного вопроса мы должны отобрать группы на основании их роли в жизни человека, то есть по антропоцентрическому принципу. Классификаций семантики

существует множество, как мы знаем, и описать семантику означает описать мир, что является предельной задачей. Поэтому здесь любая классификация будет относительна, и она включает в себя исходный принцип. В данном случае исходным принципом является роль в жизни человека.

Голев Н.Д.: Хорошо. Далее, изменится ли качественно работа, если из нее убрать пространственную семантику? Что изменится качественно в выводах?

Миклашевский А.А.: Уйдут все выводы про пространственную семантику.

Голев Н.Д.: У Вас пространственная семантика практически исключена из положений, выносимых на защиту. Посмотрите: пространственная семантика образует отдельный фактор. Это отписка. Где выводы про пространственную семантику? Обратите внимание, пространственная семантика входит в перцептивную, вот три относительно самостоятельных фактора, а пространственная семантика входит в один из этих факторов.

Миклашевский А.А.: Нет, давайте посчитаем: раз, два, три. А пространственная семантика образует отдельный фактор.

Голев Н.Д.: Ну вот, я и говорю. Не понятно, почему это обозначается словом фактор.

Миклашевский А.А.: Слово фактор – это термин статистического анализа. Сам анализ называется факторный анализ, он группирует переменные в факторы и этот термин принят в статистике.

Голев Н.Д.: Хорошо, отдельный фактор. Мы бы хотели понять, где же этот отдельный фактор описывается, в чем его отдельность. То есть вопрос заключается в том, что идея пространственности не связана с остальной работой, не усматривается органическая связь.

Миклашевский А.А.: У меня была изначально гипотеза относительно пространственной семантики, так она сюда и пришла. Я занимался до этого пространственной семантикой, и когда я начал заниматься перцептивной, у меня была гипотеза, что пространственная семантика, именно в аспекте верх-низ (я не рассматриваю другие измерения в работе), может соотноситься с перцептивными переменными: у нас есть различного типа опыт с теми объектами, которые мы можем достичь физически, например, продукты питания мы можем потрогать, попробовать, ощутить запах. С другой стороны, есть объекты, которые расположены очень высоко, например, небесные тела и явления, - облака, луна, молния и так далее, - с которыми у нас есть только визуальный или аудиальный контакт. То есть, здесь может быть соотношение. Но статистический анализ на данной выборке не показал никаких отношений между перцептивными и пространственными переменными.

Голев Н.Д.: Спасибо, хотелось разобраться.

Араева Л.А.: Константин Иванович?

Бринев К.И.: Слуховой опыт, связанный со словом, не вошел ни в один из факторов. Почему?

Миклашевский А.А.: На основе факторного анализа. Я ввел данные в программу и попросил рассчитать факторы. Можно на начальном этапе задать разное количество факторов, я пробовал разные, но ни при каком анализе слуховой опыт не объединяется с другими переменными. То есть, мы видим, что зрительная модальность объединяется с тактильной. Связь с обонянием и со вкусом объединяются в один фактор. Слуховая модальность всегда остается отдельно, и это соответствует тем результатам, которые были получены, например, в похожей работе на материале английского языка. То есть это некая закономерность, в данном случае на материале русского языка было дополнительно доказано то, что было уже найдено на материале английского.

Бринев К.И.: А как они объединялись в факторы?

Миклашевский А.А.: Идея факторного анализа заключается в том, что на входе мы имеем большое количество переменных, но мы предполагаем, что некоторые из них, возможно, измеряют одни и те же конструкты. Программа объединяет эти переменные таким образом, чтобы эти конструкты выявить. В данном случае было таким образом выявлено 4 конструкта. Предполагается, что переменные, входящие в один фактор, измеряют с разных сторон одно и то же, и, соответственно, ведут себя одинаково: их оценки для отдельных слов максимально приближены друг к другу. На основе этого переменные складываются в один фактор.

Бринев К.И.: Понятно. То есть, это статистическая степень связанности этих факторов. А что она показывает?

Миклашевский А.А.: Как я уже сказал, при выполнении этого анализа у нас есть гипотеза, что за большим списком переменных, которые у нас есть на входе, стоят какие-то конструкты, и некоторые переменные измеряют одно и то же.

Бринев К.И.: То есть, это гипотеза, что за этим списком стоят какие-то конструкты. Она дальше доказывается, опровергается?

Миклашевский А.А.: Она доказывается посредством применения статистического анализа.

Бринев К.И.: Нет, секундочку. Статистически Вы предполагаете, что есть такая корреляция, а потом предполагаете, что за этой корреляцией что-то стоит.

Миклашевский А.А.: Первый шаг: я предполагаю, что есть факторы, и тогда я провожу факторный анализ. А дальше я смотрю, какие переменные объединились в эти факторы. Вот, например, я вижу, что в первый фактор вошли зрительная модальность, тактильная модальность, образность, возможность манипулировать с помощью руки и возраст усвоения. Дальше я смотрю, что объединяет все эти переменные, каким общим понятием можно их все описать. Это уже моя интерпретация. Я интерпретирую это таким образом, что все эти переменные так или иначе отражают зрительно-моторный опыт, который связан со словом.

Бринев К.И.: Понятно. А по-другому можно интерпретировать, что за этим фактором стоит? Допустим, ничего.

Миклашевский А.А.: Нет, они бы не собрались в один фактор тогда.

Бринев К.И.: Случайно.

Миклашевский А.А.: Всегда есть некий элемент случайности. Но есть статистические процедуры, которые...

Бринев К.И.: Обоснованность этих процедур понятна. Но статистическое утверждение всегда имеет определенную вероятность.

Миклашевский А.А.: У нас есть пятипроцентная вероятность ошибки.

Бринев К.И.: То есть, возможна ошибка, что это случайно?

Миклашевский А.А.: Есть, пять процентов такая вероятность.

Бринев К.И.: Хорошо. Следующий вопрос. Один из выводов у Вас касается пространственной ориентации абстрактных и конкретных существительных по шкале верх-низ, и был вывод, что эта ориентация входит в семантику, что это обязательная часть семантики. Скажите, а этот вывод из чего делается? Итак, обсуждаем следующий тезис: обязательным компонентом семантики слова является шкала верх и низ. Есть такой вывод, или я что-то недопонял?

Миклашевский А.А.: Вы верно поняли, но, скажем, что разные слова имеют разную силу ассоциации...

Бринев К.И.: Это понятно, это не обязательно. Допустим, абстрактные выше, конкретные ниже, правильно?

Миклашевский А.А.: В среднем, на групповом уровне.

Бринев К.И.: Да. Из чего этот вывод делается?

Миклашевский А.А.: Опять же, на основе статистического анализа. Как я уже объяснял, мы берем оценки по переменной – положение в пространстве...

Бринев К.И.: Все, я понял. Дальше вопрос. Скажите, пожалуйста, Вы же шкалу задали высоко-низко. А если бы я шкалу задал бессмысленно-осмысленно? Естественно, мне бы респонденты оценки проставили, я бы корреляцию посчитал, и на этом основании стал бы утверждать, что в семантику слова входит степень осмысленности предмета?

Миклашевский А.А.: А что Вы понимаете под бессмысленно-осмысленно?

Бринев К.И.: Какая разница. Шкалу задал, семь пунктов, здесь вверх – бессмысленно, здесь – осмысленно.

Миклашевский А.А.: Вы должны объяснить людям, что Вы имеете в виду, чтобы получить ответ.

Бринев К.И.: Я объясню, поверьте мне.

Миклашевский А.А.: Объясните мне, пожалуйста.

Бринев К.И.: Хорошо. Вот, допустим, есть для меня какие-то вещи бессмысленные, а есть осмысленные. Значимые – не значимые.

Миклашевский А.А.: Мне кажется, значимость – это немного другой аспект.

Бринев К.И.: Я понимаю все. Я мог бы сто пятьдесят шкал придумать на любых основаниях, но это не дает основания утверждать, что это обязательно входит в семантику слова. То есть, я заставляю людей

шкалировать, и на этом основании утверждаю, что это – часть семантики слова. Объясните мне, пожалуйста, как это возможно. Я заставить могу в любых шкалах это сделать – в сантиметрах, дециметрах, литрах.

Миклашевский А.А.: Это вопрос к методу исследования. Шкала Ликерта – это инструмент, широко распространенный в разных исследованиях, и естественно есть определенные проблемы...

Бринев К.И.: Все понятно. Это условная шкала. Выявить кодирование тихий-громкий, и тому подобное. Скажите, пожалуйста, мы прошкальковали, но на каком основании мы делаем вывод, что это – обязательный компонент семантики?

Миклашевский А.А.: Давайте предположим, что мы взяли бессмысленную шкалу, которая вообще никакого значения не имеет, провели шкалирование. Если она никак не соотносится с опытом, знаниями о мире, то есть семантикой, как я понимаю семантику слова, соответственно, мы получим случайное распределение оценок. И никаких закономерностей мы не найдем. Мы не увидим, что конкретные существительные как-то отличаются от абстрактных. Но это не то, что мы получили.

Бринев К.И.: Я согласен. Но если на Ваш вопрос сейчас отвечать, то и здесь случайность не исключается.

Миклашевский А.А.: Да, пять процентов.

Бринев К.И.: Да, и там случайность была бы пять процентов. Мое мнение такое, в данном случае, и я его сформулирую как вопрос: а не является ли когнитивное положение о важности восприятия, каких-то там вещей базовым, а все остальное просто подгоняется под это положение? Потому что я бы мог взять другую условную шкалу и подогнать под другую картинку, найти корреляции.

Миклашевский А.А.: Мне кажется, в Вашем высказывании есть некое пренебрежительное отношение к корреляциям, что это нечто, что легко найти и оно случайное.

Бринев К.И.: Нет, у меня пренебрежительное отношение не к корреляциям.

Миклашевский А.А.: Корреляционный анализ – это способ доказательства гипотезы. Корреляция найдена – гипотеза доказана.

Бринев К.И.: Какой гипотезы?

Миклашевский А.А.: О том, что существительные имеют ассоциации с верхним или нижним пространством.

Бринев К.И.: Хорошо, я корректнее сейчас вопрос сформулирую. Скажите, пожалуйста, при каком условии Ваши экспериментальные данные потерпели бы неудачу?

Миклашевский А.А.: А каким методом мы будем их тестировать?

Бринев К.И.: Не знаю.

Миклашевский А.А.: Скажите, каким методом, а я тогда подумаю...

Бринев К.И.: Если это не опровержимо, то в этом нет содержания.

Миклашевский А.А.: Это опровержимо, но мне нужно знать конкретно, о каком методе идет речь.

Бринев К.И.: Вот в Вашем методе, в логике Вашей работы. Не в моем методе, не о нем идет речь. В Вашей логике риск ошибки есть?

Миклашевский А.А.: Все, я понял. Спасибо за вопрос. Речь идет о том, что это измерение (верх-низ) уже было ранее показано в экспериментальных исследованиях и для конкретных, и для абстрактных существительных на материале других языков. Доказано, что оно существует, – это не вопрос моей работы, – а мой вопрос в том, как описать выборку существительных на основе этого измерения и можно ли из этого извлечь еще какие-то закономерности.

Бринев К.И.: То есть это не вывод Вашей работы, что есть семантика верх-низ?

Миклашевский А.А.: Я подтверждаю это еще раз на другом материале, скажем так. Это уже было показано экспериментально: например, если я показываю слово птица по центру экрана, а потом показываю звездочку сверху или снизу, и Ваша задача – нажать кнопку, как только Вы увидели эту звездочку. Слово птица вообще не нужно читать, оно просто появилось, и Вы его увидели. Мозг автоматически его обрабатывает. Вы будете после слова птица распознавать звездочку сверху быстрее, чем снизу. И наоборот, после слов трава или ботинок, – то, что расположено обычно внизу, – Вы будете быстрее распознавать эту звездочку снизу. И это доказательство того, что при обработке таких слов Ваш опыт активизируется.

Бринев К.И.: Хорошо, хороший пример. А слово красота, например?

Миклашевский А.А.: Есть и для абстрактных, одно, по-моему, исследование, и там показано что при обработке абстрактных концептов, таких, как допустим, бог и дьявол, религиозные концепты, тоже возникает пространственная ассоциация с верхом или низом, которая также может быть протестирована, проверена.

Араева Л.А.: Пожалуйста, Марина Геннадьевна.

Шкуропацкая М.Г.: Если предположить, что работы могут носить описательный и объяснительный характер, то каким образом Вы можете оценить Ваше исследование?

Миклашевский А.А.: А в чем разница между описательным и объяснительным?

Шкуропацкая М.Г.: Описательные – имеется соотношение неких сторон. Объяснительные – такие, которые объясняют это соотношение.

Миклашевский А.А.: Я бы сказал, что я решаю здесь методологическую задачу построения описания с учетом тех принципов, которые мы уже знаем о человеческом познании и о том, что оно модально специфично, что мы получаем наше знание через разные каналы восприятия. Это одна задача. Но следующий шаг, – то, что нам позволяет сделать поисковый статистический анализ, такой, как факторный анализ, – это уже попытка выявить структуру этого знания. И тогда на следующем этапе мы можем выдвинуть гипотезы о том, почему эта структура такова, – но это уже остается за рамками моей работы.

Араева Л.А.: Хорошо, спасибо, Алексей Алексеевич. Слово предоставляется научному руководителю, Резановой Зое Ивановне, доктору филологических наук, профессору.

Резанова З.И.: Напряженная дискуссия показывает, что проблема, действительно, дискуссионная. В отличие от работы, которая защищалась перед этим [Антонова Татьяна Григорьевна], это исследование другого типа. Большая часть моей жизни связана с исследованием когнитивных аспектов языка с использованием собственно лингвистической методологии, с привлечением методологического аппарата других гуманитарных наук. Пять лет назад Томский государственный университет начал участвовать в программе «5-100», и мы выиграли грант на создание Лаборатории когнитивных исследований языка, концепцией которой было включение новой методологии в лингвистику, а именно аппаратных психолингвистических и когнитивных методов. Для этого мы привлекли зарубежных партнеров, которые интенсивно включили нас в новую парадигму. Я бы хотела выразить благодарность Армине Джанян, Юкка Хьёна и другим партнерам, которые познакомили нас с подходом к исследованию языка, который с 60-х гг. 20 в. разрабатывается, наработано большое количество выводов на материале, прежде всего, английского и других языков. К сожалению, эта парадигма была недостаточно известна в российской лингвистике. Мы с Юкка Хьёна одновременно сказали, что есть два разрыва: между западной и российской парадигмами, с одной стороны, и между психолингвистической и собственно лингвистической, с другой. Нам нужно найти взаимопонимание и в методах работы, и в терминологии, и в обработке результатов. В позапрошлом году здесь защищалась работа Елены Некрасовой, это была первая работа в данной парадигме; Елена пришла в лабораторию и через три года защитила кандидатскую диссертацию, съездив на стажировку в Новый болгарский университет. Алексей прошел через магистратуру, затем через аспирантуру, и вот через пять лет он представляет свое исследование. Я бы хотела сказать, что в данном случае мы имеем дело с принципиально другой методологией, нежели в собственно лингвистическом исследовании. Это психолингвистическое исследование, в котором психо- стоит на первом месте. Я сама пять лет назад осознавала это, и когда наш партнер, Армина Джанян, говорила о том, что слово может быть более конкретным или более абстрактным, или более одушевленным или менее одушевленным, - что сказал бы лингвист? Как существительное может быть более или менее одушевленным, если есть грамматический показатель – окончание винительного падежа. Но в данной парадигме это – другой термин, у него другое содержание. Речь идет о субъективном восприятии слова носителем языка. Мне кажется, что именно в Кемеровском государственном университете эти идеи могут встретить поддержку, поскольку обращение к языковому сознанию – это одно из направлений кемеровской лингвистической школы. В данной парадигме принципиально важно учитывать, что шкала Ликерта – это шкала оценок, которые дает носитель языка по данному параметру. Например, береза: референт больше

воспринимается на слух, посредством обоняния? Это то знание о референте, которое человек получает, а лексическое значение слова отражает. Это соответствует представлению о лексическом значении по Стернину, здесь нет границы между лингвистическим и нелингвистическим.

Алексей задает вопрос: насколько образно то или иное слово? стакан, счастье и так далее. Каждое слово оценено по этим параметрам. Разумеется, ни один метод не является универсальным, и у него есть ограничения. То, что заострили оба внутренних оппонента, задавая вопросы, - кажется, что мы принуждаем носителей языка дать ответ. Но это и есть направленный эксперимент, у него есть ограничение такого рода. Причем есть методологические приемы снятия таких ограничений. Важно, что мы обращаемся к носителю языка, а не работаем с контекстом. Второе – это использование статистических методов. Если мы доверяем этому методу, то мы доверяем. Если мы задаем бессмысленные вопросы, то нужно смотреть, а что понимает носитель языка. Я хочу еще раз сказать про гуманитарную интерпретацию статистического анализа: во-первых, есть пять процентов вероятности, что результаты получены случайно. Мы либо верим статистике, либо отрицаем ее. Мы верим, вы отрицаете. Второе, я бы хотела помочь понять, как Алексей сказал, что при бессмысленном вопросе статистические данные будут неорганизованными, хаотичными, говоря гуманитарным языком. Это и покажет, что у носителей языка нет такого параметра в сознании. Либо мы доверяем такого рода методу, либо нет. Значимость результатов показывает, что данный результат воспроизводим на аналогичных выборках, может быть распространен на генеральную совокупность. Я думаю, про статистический анализ больше расскажет Мария Кирилловна Тимофеева, который специалист в этой области.

Таким образом, это психолингвистическое исследование с доказательной базой статистических методов. Я сама проходила этот путь, я понимаю, как сложно человеку с гуманитарным образованием перевернуть свое представление о методах, чтобы понять это. Это новое поколение лингвистов, которое пришло в большую науку с такой методологией, такой терминологией и такими принципами исследования.

Что касается теоретической базы исследования, то, если то, о чем говорила Татьяна Григорьевна [Антонова], прочно вошло в российскую лингвистику, – речь идет о теории концептуальной метафоры, – то теории воплощенного познания повезло меньше, может быть, потому что это больше психологическая, психолингвистическая концепция. Она не знакома широкому кругу российских лингвистов, но именно это – теоретическая основа этой работы. В данном случае мы быстро развиваемся, например, наш магистрант вернулся в сентябре с конференции по данной проблематике в Риме, где было триста участников, и лишь несколько из России. Это очень популярная, даже уже отчасти утрачивающая популярность в мировой науке теория.

Что касается Алексея, то это один из самых интересных учеников, которые встретились на моем пути. Это человек, которому можно доверить

работу, и он будет ею заниматься. Конечно, у нас были помощники, консультанты, с которыми он активно сотрудничал, и моя роль была направляющей, где-то я даже выступала в роли ученика: в своей узкой области он знает больше, чем я.

Араева Л.А.: Спасибо, Зоя Ивановна. Объявляется технический перерыв.

[перерыв]

Араева Л.А.: Уважаемые коллеги, мы продолжаем заседание ученого совета. Слово предоставляется ученому секретарю Марии Николаевне Образцовой для оглашения заключения организации, где выполнялась диссертационная работа, а также для ознакомления с отзывом ведущей организации и отзывами на автореферат.

Образцова М.Н.: Спасибо, Людмила Алексеевна. [делает обзор заключения организации, где была выполнена представленная работа (заключение прилагается), отзыва ведущей организации (отзыв прилагается), отзывов об автореферате (прилагаются)]

Араева Л.А.: Слово для ответа на вопросы и замечания предоставляется Алексею Алексеевичу.

Миклашевский А.А.: Я хочу поблагодарить Ольгу Викторовну Федорову, которая подготовила отзыв от имени ведущей организации, а также всех, кто дал отзывы на автореферат диссертации.

В отзыве Ольги Викторовны прозвучал вопрос о категориальной принадлежности методов. Отчасти я согласен с критикой. При этом хотелось бы пояснить, что одной из задач исследования было соотнести различные дискурсы между собой – собственно лингвистический, психолингвистический, психофизиологический, с одной стороны, и, с другой стороны, англоязычный и русскоязычный дискурсы. Шкала Ликерта является широко используемым в социальных и гуманитарных науках, в практической деятельности, инструментом: она применяется в социологии, психологии, маркетинге, психолингвистике, поскольку она универсальна, доступна, понятна наивным носителям языка. Задача лингвистического решения применяется не только собственно в психолингвистике, но также и в когнитивной науке при исследовании работы внимания, памяти, и потому может быть отнесена к общему арсеналу когнитивных методов. Естественно, работа по совмещению различных терминологических систем и подходов должна продолжаться.

Также в отзыве Ольги Викторовны Федоровой прозвучало замечание о несбалансированности первого и второго разделов второй главы. Это действительно так. С одной стороны, это связано с тем, что модель описания экспериментальных данных такого типа, который представлен во второй части второй главы (время реакции), уже выработана, есть строгая форма представления статистики, результатов, и я лишь следовал этой форме. При этом в первой части главы мне приходилось самостоятельно искать путь описания результатов, поскольку такого рода анализ по языковым единицам не разработан, и в связи с этим приходилось объяснять каждый шаг: почему

такой анализ был проведен и как я его интерпретирую. В связи с этим данный раздел получился больше по объему. Другая причина также заключается в том, что вторая часть второй главы представляет лишь первый шаг на пути именно экспериментальных исследований перцептивной и пространственной семантики, и для того, чтобы расширить интерпретацию этих результатов, нужно проводить серию экспериментов с варьирующимися параметрами (предъявление слов визуально или аудиально, с использованием прайминга, одиночное или попарное предъявление стимулов). Это уже вопрос будущих исследований.

Также в отзыве ведущей организации было указано, что в диссертации содержатся терминологические неточности. Термины визуальный/зрительный и слуховой/аудиальный, естественно, являются терминами-дублетами. Это следовало оговорить в начале работы. Мне представляется, что в данном случае речь идет не о терминологической неточности, а о способе представления терминологии для читателей. Под неточностью я понимаю некорректное использование термина. В данном случае есть два параллельных термина, и это не обозначено в работе, к сожалению. Неверная транслитерация фамилии также не является терминологической неточностью; это досадно, но, тем не менее, к терминам не имеет отношения. На странице 54 в диссертации я говорю о межгрупповом и внутригрупповом факторе, но не дизайне исследования, как было отмечено в рецензии. Здесь имеет место неверное прочтение работы. Тем не менее, хотелось бы поблагодарить рецензента за обращение внимания на эти проблемы.

Также я бы хотел ответить на замечания и вопросы, которые представлены в отзывах на автореферат диссертации.

Прежде всего, замечание Ольги Викторовны Драгой, которая отметила, что в диссертации недостаточно подробно проинтерпретированы эффекты, выявленные в эксперименте с использованием задачи лексического решения. Как я уже сказал, это всего лишь первый этап исследования того, как активируется пространственная и перцептивная семантика. Планируются дальнейшие эксперименты, которые позволят более подробно описать эти процессы.

В отзыве Марины Геннадьевны Колбенева было отмечено, что в исследовании выявлены корреляционные отношения между переменными, тогда как я в заключении говорю о причинно-следственных связях. Это действительно так, в исследовании выявлены корреляционные связи, и мы знаем, что корреляция – это не то же самое, что причинно-следственные связи. Но в данном случае следует отметить, что эксперимент проведен в рамках теории, эти результаты соответствуют теоретическим основам, на которые я опираюсь, в частности, теории воплощенного познания, они были предсказаны этой теорией и получены в итоге. Я думаю, что в данном случае мы имеем право их интерпретировать как причинно-следственные отношения, хотя, разумеется, сама проблема того, является ли такого рода семантика неотъемлемой частью процесса понимания слова, - это серьезная

проблема, которую, например, обсуждает Фридеман Пульвермюллер в своих работах, и он говорит о том, что для решения этой проблемы требуются методы с высоким временным разрешением, которые покажут, насколько рано активируется такая семантика.

Также в отзыве Марины Геннадьевны Колбеневой прозвучало замечание о том, что термины из разных научных дисциплин (когнитивная психология, лингвистика, системная психофизиология) используются без достаточного обоснования их совместимости. Как я уже сказал, я осознаю эту проблему, и старался решить ее в исследовании, но, конечно, здесь еще предстоит много работы.

В отзыве Татьяны Георгиевны Скребцовой был задан вопрос о различных группах существительных, таких как обозначения философских категорий, термины гуманитарных наук и обозначения мифологических существ, которые не вошли в финальную выборку существительных. Мне кажется, это большой, теоретически интересный вопрос, но я бы по-другому его сформулировал. Я опираюсь на теорию воплощенного познания, где такой проблемы, как отсутствие референта для такого рода существительных просто нет, поскольку фокус при интерпретации значения, в отличие от логического подхода к языку, смещается с реальности на репрезентацию реальности в сознании, то мы говорим о том, что слова соответствуют не реальности, а нашим знаниям о реальности. Поэтому, если мы говорим, например, о кентавре, то да, у этого слова нет референта в реальности, но он существует в сознании: у нас есть зрительный опыт, с одной стороны, - а современные технологии позволяют создавать детальные репрезентации даже несуществующих объектов, - и, с другой стороны, у нас есть психическая способность конструировать несуществующие концепты на основе тех черт, которые мы уже знаем из своего опыта, о чем пишет Л. Барсалу. Таким образом, говоря о кентавре, я конструирую этот образ на основе своего реального опыта, комбинируя имеющиеся знания о человеке и о лошади, и в процессе понимания этого слова данный перцептивный опыт активируется.

Что касается философских терминов и терминов отдельных дисциплин, то на это хотелось бы ответить следующее. С одной стороны, есть универсальные свойства физического мира, которые мы все воспринимаем непосредственно; с другой стороны, есть культура, которая дает определенную интерпретацию этого мира. Общие свойства физического мира, в котором мы все живем, независимо от языка, на котором мы говорим, соответственно, обуславливают то, что наш опыт с такими базовыми концептами, или атомами знания, можно сказать, как время, пространство, количество, энергия, универсален и опирается на наши знания о физическом мире, то есть определенный опыт, в том числе, перцептивный, за этим стоит. С другой стороны, есть культурные модели, которые позволяют нам это интерпретировать, например, модель времени, которое движется в каком-то направлении, допустим, слева направо или сверху вниз, как это показывают в экспериментах, - да, такие ассоциации существуют, они обладают

реальностью, и эта реальность приходит из культуры. Но при этом воплощенное познание говорит о том, что и эти ассоциации опираются на телесный опыт: если, например, время представлено в пространственных терминах, то и время, и пространство каким-то образом воспринимаются носителем сознания. Таким образом, даже у самых базовых философских категорий есть перцептивное основание.

Я думаю, что та же логика может быть распространена на собственно научные термины, с той оговоркой, что они представляют собой дискурсивно специфические категории, которые разрабатываются в определенном социокультурном контексте, в котором существует наука; они также обусловлены специфической методологией получения знания в той или иной науке, научными целями, но, тем не менее, на концептуальном уровне, оставаясь в рамках теории воплощенного познания, мы все равно говорим о том, что должен стоять определенный психофизиологический опыт даже за такими единицами, как сема, фонема и так далее.

У меня на этом все, спасибо.

Араева Л.А.: Слово предоставляется официальному оппоненту, доктору филологических наук Марии Кирилловне Тимофеевой.

Тимофеева М.К.: [Оглашает отзыв (отзыв прилагается)].

Араева Л.А.: Большое спасибо, Мария Кирилловна, очень глубокий анализ работы. Вам слово, Алексей Алексеевич.

Миклашевский А.А.: Большое спасибо, Мария Кирилловна, действительно, очень глубокий анализ работы. Я постараюсь ответить по каждому пункту.

Во-первых, был задан вопрос о субъективности исследователя. Вопрос возникает в связи с использованием терминов субъективный и объективный при составлении классификации психолингвистических шкал. Исследовательская субъективность, безусловно, всегда присутствует, и проявляется на разных уровнях – при выдвижении гипотезы, отборе материала, выборе методов анализа, и такая субъективность является принципиально неустранимой, поэтому при классификации я ее просто игнорирую, она присутствует всегда и везде, и ее учет не дает, поэтому, никакой новой информации об этих шкалах. С другой стороны, термины объективность и субъективность здесь, действительно, условны, и более уместно было бы говорить об экспертном лингвистическом знании и знании наивных носителей языка – это одно измерение. Другое измерение – это формальные показатели, которые получают за счет использования машинных методов, например, расчет букв, слогов, частотности слов в корпусе, vs. те параметры, при которых требуется обращение носителей языка к их собственному опыту, такие, например, как степень эмоциональности, или связь слова с органами чувств. Возможно, на пересечении этих двух осей и может быть построена более точная классификация этих методов.

Также был задан вопрос о различии в разметке некоторых единиц. Есть 14 единиц, для которых разметка конкретности-абстрактности в моей базе

данных не совпадает с разметкой Национального корпуса русского языка. Ряд единиц не встречается в корпусе (степлер, фрисби); ряд единиц имеет неоднозначную грамматическую интерпретацию - как отглагольное существительное, обозначающее процесс, либо как наименование физического объекта или части объекта (зажим, провал, углубление – конкретные в работе, абстрактные в корпусе); другие расхождения объясняются грамматической vs. когнитивной интерпретацией категории конкретности-абстрактности, которая обсуждается в работе (штиль, фейерверк, рассвет – конкретные в работе, абстрактные в корпусе); некоторые единицы в корпусе имеют двойную помету, и как конкретные, и как абстрактные (запах, образ, подножка, пространство, слово); наконец, классификация ряда единиц в корпусе вызывает сомнения (скрепка, заколка – абстрактные в корпусе).

Был задан вопрос, или даже предложение обратить внимание в будущих исследованиях на то, может ли особое положение аудиальной модальности в факторном анализе быть связано с тем, что именно это – одна из модальностей, которые используются для речевой коммуникации. Данная гипотеза является очень интересной, она обсуждалась отчасти в работе Елены Некрасовой, которая защищалась в этом же совете и рассматривала в своем исследовании каналы восприятия языковой информации – визуальный и аудиальный. Для понимания того, почему аудиальная модальность имеет особый статус в семантической структуре, требуется систематическое экспериментальное исследование этого вопроса. Если мы обращаемся к русскому жестовому языку, то это также интересная идея, которая могла бы стать отдельным диссертационным исследованием, поскольку при анализе выборки с патологией всегда требуется учитывать большое количество связанных между собой факторов – здесь речь идет о принципиально ином получении информации другим способом, о познании мира другим способом, о другом пути коммуникации. Эти факторы могут иметь выражение на нейрофизиологическом, общекогнитивном уровне, и на самом уровне коммуникации.

Был задан вопрос об эксперименте, в котором собирались экспертные оценки по степени положительности эмоции. В нем действительно приняло участие небольшое количество человек – 6 человек. Это была лишь дополнительная гипотеза, которую хотелось проверить, поэтому я выбрал менее трудоемкий метод, метод экспертной оценки, при котором допустимо использование данных меньшего количества респондентов, нежели при опросе наивных носителей языка. При этом уже после завершения экспериментальных исследований, во время написания работы, я, тем не менее, собрал данные по носителям языка по степени положительности для всех слов выборки, а не только для названий эмоций. Эти данные согласуются с тем, что представлено в этом небольшом эксперименте.

Также был задан вопрос про таблицу на странице 96. На этой странице расположена таблица, и также сюда оказался перенесен фрагмент текста из предыдущего абзаца. Этот текст принадлежит предыдущему абзацу, но это

не подписать к таблице, хотя это и выглядит именно таким образом. Прошу прощения, не учел это при печати диссертации.

Еще раз хочу поблагодарить за все вопросы и интересные предложения.

Араева Л.А.: Спасибо, Алексей Алексеевич. Слово предоставляется официальному оппоненту Власову Михаилу Сергеевичу, кандидату филологических наук, доценту кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина».

Власов М.С.: [Оглашает отзыв (отзыв прилагается)].

Араева Л.А.: Очень глубокие, интересные отзывы. Вам отвечать, Алексей Алексеевич.

Миклашевский А.А.: Спасибо, Михаил Сергеевич, за внимательное прочтение работы, за Ваши вопросы. Я присоединяюсь, оба отзыва очень глубокие, было отмечено много деталей.

Хотелось бы начать с вопроса о том, какой теоретический вывод может быть сделан для когнитивной лингвистики исходя из того, что разные семантические компоненты ускоряют либо замедляют время реакции. Речь идет именно о компонентах перцептивной семантики. Я думаю, что наиболее важный вывод, который мы должны из этого сделать, заключается в том, что и конкретные, и абстрактные существительные содержат в своей семантической структуре перцептивные компоненты. То есть, мы доказываем реальность этого компонента посредством демонстрации данного эффекта. Направленность этого эффекта – это уже следующий вопрос. Разные компоненты могут замедлять или ускорять время реакции, это также нуждается в исследовании. Эти компоненты могут относиться к разным мозговым структурам, которые связаны в большей мере с разными каналами восприятия, и, соответственно, может иметь место интеракция этих компонентов с различными факторами, такими как тип задачи (более поверхностная или более глубокая семантическая), способ ответа (моторный, такой как нажатие клавиши, либо вербальный, как в задаче нейминга), канал предъявления стимулов (аудиальный или визуальный). Вопрос о направленности таких эффектов, который сейчас активно обсуждается в литературе, также требует обращения к методам с более высоким временным разрешением (ЭЭГ, айтрекинг, измерение электрической активности кожи, использование датчиков силы нажатия и другие методы), которые позволяют проследить, что происходит во время обработки слова, как меняются эти параметры.

Был задан вопрос об использовании термина метод обработки больших данных. Данный термин является дискуссионным, он очень популярен, есть много вариантов его понимания. Я понимаю под большими данными любые данные, которые физически не могут быть обработаны вручную. Тот объем данных, который я анализирую в работе, попадает под это определение, как, в принципе, и любые другие данные поведенческих экспериментов с большим количеством стимулов и большим количеством участников. Что

касается непараметрических методов, то их использование обусловлено не объемом данных, а параметрами выборки – отсутствие нормального распределения, равенства дисперсий не позволяют нам применять параметрические методы.

Был задан вопрос о symbol grounding problem, проблеме обоснования символов, как я попытался выразить это понятие на русском языке. Я думаю, что в русскоязычном дискурсе когнитивной лингвистики мы можем эту проблему связать с проблемой концептуализации, исследованием процессом формирования языковой семантики, если мы принимаем ту точку зрения, что значение слова и концепт – это одно и то же в рамках исследования индивидуального сознания. При таком подходе symbol grounding problem – это проблема концептуализации, проблема того, как происходит формирование семантики на основе реального опыта.

Также был задан вопрос о том, на какие теоретические предпосылки опирается утверждение, что перцептивная и пространственная семантика – неотъемлемая часть семантической структуры существительных. Как мне кажется, этот вопрос связан и с другим – о том, что в работе понимается под психологической реальностью компонентов языковой семантики. Возможно, я неверно расставил акценты, в данном утверждении речь идет о том, что перцептивная и пространственная семантика является неотъемлемой частью любых единиц в целом, а не только существительных. Слово существительных здесь не обозначает, что у существительных она есть, а у не-существительных ее нет. Речь идет лишь о том, что я рассматриваю выборку существительных, но теоретическая предпосылка относится и ко всем другим единицам тоже. Здесь я действительно придерживаюсь теории воплощенного познания в том виде, в котором она сформулирована в работах Л. Барсалу и Ф. Пульвермюллера, поскольку она позволяет объяснить проблему обоснования символов, symbol grounding problem, в отличие от альтернативных объяснений языковой семантики посредством абстрактных фреймовых структур, пропозициональных структур – они все сталкиваются с этой проблемой, что обсуждается в работе Л. Барсалу 1999 года: ни один из этих подходов не может ответить на вопрос о том, как именно мы получили это знание. Знание представляется как уже готовое, но откуда оно пришло – не известно. Другие подходы, в отличие от воплощенного познания, не отвечают на этот вопрос, и потому, на мой взгляд, он теоретически наиболее обоснован. Также этот подход важен методологически, поскольку он позволяет интегрировать информацию, полученную в рамках разных наук когнитивного цикла, и использовать эту информацию для описания, интерпретации значения. Что понимается в данном случае под психологической реальностью? Во-первых, при понимании слова у нас есть некий субъективно переживаемый образ, который мы можем анализировать; во-вторых, в процессе возникновения такого образа мы можем наблюдать измеримые поведенческие и психофизиологические реакции; в-третьих, используя методы регистрации нейронной активности, мы можем наблюдать временные и пространственные паттерны нейронной активности, которые

соответствуют субъективному переживанию значения. Соответственно, если на всех трех уровнях что-то существует, то мы говорим о том, что это и есть психологическая реальность такого значения. Именно такого рода значение я пытаюсь описать в своей работе, используя доступные методы.

Был задан вопрос о том, распространяется ли вывод об активации перцептивной семантики на другие слова, или только на существительные. Опять же, в работе я говорю о существительных, потому что использую выборку существительных; однако, опираясь на теоретические предпосылки, могу предположить, что то же самое будет действительно и для других единиц, но для каждого класса нужна конкретизация, у каждой грамматической категории может быть своя специфика.

Вопрос о том, в чем разница между понятиями информация и семантика в контексте работы. Они употребляются как синонимы, может быть, стилистические: в одних контекстах принято называть это информацией, в других – семантикой, но для меня это одно и то же.

Был задан вопрос о том, что понимается под поверхностной задачей применительно к задаче лексического решения. В работах Дэвида Балоты (1994, 2006) сформулирована концепция уровней обработки языковых единиц, доступ к которым модулируется той задачей, которая поставлена перед респондентом. Данная концепция широко принята в экспериментальных когнитивных исследованиях языка. Под поверхностными, например, можно понимать задачу поиска буквы в слове, при которой требуется лишь зрительный анализ последовательности элементов и идентификация одного из них; менее поверхностная – задача лексического решения, которая требует идентификации формы слова и нахождения соответствующей единицы в ментальном лексиконе; более глубокие задачи, которые требуют доступа к грамматическим и семантическим репрезентациям, например определение одушевленности, части речи, перцептивных признаков (допустим, является ли предмет, обозначенный словом, красным). Активация уровней рассматривается как последовательная, в том числе каскадная, или параллельная с последующим сужением выбора (это обсуждается в диссертации на странице 55) – в зависимости от исследовательской модели. Я в своей работе опираюсь на исследования Фридемана Пульвермюллера и Олафа Хаука, в которых продемонстрировано наличие двух этапов обработки слова: первичной быстрой активации всех компонентов, включая семантические (до 200 мс), и вторичная более медленная и интенсивная обработка, в большей мере доступная для сознания (425-500 мс).

Был задан вопрос о том, почему стимулы предъявлялись в течение 3000 мс. Мы знаем, что в аналогичных экспериментальных исследованиях слова предъявляются примерно на 2000 мс, этого достаточно для того, чтобы прочитать слово, понять и принять решение. В своем исследовании я также учитывал, что в выборке есть очень редкие и очень длинные слова, которые были добавлены специально для того, чтобы создать вариативность по

параметрам длины и частотности, и поэтому время было увеличено до 3000 мс.

Мне бы хотелось сказать относительно всех прозвучавших отзывов: Мария Кирилловна упоминала замечания, которые я не оговорил в своем ответе; не все замечания, которые обозначил Михаил Сергеевич, я прокомментировал; также в отзывах на автореферат были замечания, на которые я не ответил. Все замечания, на которые я не ответил, я полностью принимаю, я с ними согласен и благодарю своих рецензентов за уточнения как терминологического, так и концептуального характера. Большое спасибо.

Араева Л.А.: Коллеги, предлагаю начать дискуссию, в которой могут принять участие как члены диссертационного совета, так и все присутствующие. Елена Борисовна, пожалуйста.

Трофимова Е.Б.: Мы поговорили с Алексеем Алексеевичем. В-первых, я сразу скажу, что я за то, что это – диссертация, и диссертация, в общем, хорошая. Но теория – это слабое место в работе. А вот что касается проведения экспериментов, и проведя эксперименты, можно выходить на практику, - это сделано очень хорошо.

Голев Н.Д.: А разве так может быть, Елена Борисовна: теория слабая, а эксперимент хороший?

Трофимова Е.Б.: Нет, я сейчас объясню. Приведу метафору. Вот, скажем, погибли птицы, 50, например, птиц. Ясно, что они погибли. А вот почему они погибли, чем они отравились – это не ясно. Здесь такая же история: он проводит эксперимент, полученные результаты можно использовать в практике, но почему он получил эти результаты – он не знает. И не только он не знает, но никто не знает, потому что...

Голев Н.Д.: Какой эксперимент он провел? Птиц поубивал?

Трофимова Е.Б.: Нет, психолингвистический, обычный, которым мы все пользуемся. Поэтому я за то, что это диссертация.

Лебедева Н.Б.: Я сразу скажу, что это безусловно достойная работа. Я согласна со многим, что сказала Мария Кирилловна и Михаил Сергеевич. Я хочу начать с общей оценки: лаборатория Зои Ивановны, которая создана и успешно функционирует в Томске, я считаю, является украшением нашего лингвистического ландшафта Сибири, и, может быть, России. Это интереснейшая работа, с сильным западным уклоном, не российская традиция, а западноевропейская. Это уже не первая работа, как минимум, вторая. Мы видим результат этого и с большим интересом будем наблюдать. В этой работе проявились блестящие интеллектуальные способности и самой Зои Ивановны, и Алексея Алексеевича, и они здесь совпадают в одном интеллектуальном регистре. Уровень самого защищающегося, Алексея Алексеевича, вызывает восхищение – интеллектуальный уровень, начитанность; в общем, работа замечательная. Теперь, что касается работы, которая вызывает желание рассуждать (что уже хорошо). Итак, мы имеем метод, результат, интерпретацию и вывод – вот четыре составляющих, и в начале, и в конце стоит теория, куда работа и вписывается. Метод, безусловно, прекрасен, и то, что соискатель владеет этим методом, не

вызывает сомнений. Результат очевиден. Дальше идут интерпретация и вывод. Я тоже хочу обратиться к гипотезе, как и Вы, Михаил Сергеевич: перцептивная и пространственная информация является неотъемлемой частью семантической структуры существительных. Я бы сказала: безусловно, так оно и есть. У существительных, особенно конкретных, конечно есть перцептивная и пространственная семантика. Я согласна с Вами, Михаил Сергеевич, что сформулировано более обобщенно, нежели сделано, и хотелось бы более конкретной формулировки, что же именно сделано. На мой взгляд, здесь происходит сбой: есть излишнее доверие к методу, и ставится знак равенства между методом, результатом и выводом. А это не одно и то же, потому что между ними идет интерпретация. Я хочу привести пример, может быть, не совсем корректный, но все-таки. Если мы собаке отдадим команды, – фас, к ноге, сидеть, – можно ли сказать, что перцептивная и пространственная информация является неотъемлемой частью семантической структуры этих единиц в сознании собаки? Нет, она реагирует на сигнал. Мне кажется, здесь смешаны стимул-реакция и семантика. Информация равна семантике, как он ответил Михаилу Сергеевичу, и равна реакции. Мне кажется, здесь происходит сбой. То, что наше сознание реагирует на эти слова, – наверное это верно. Но говорим ли мы тогда о словах или о сознании, о мозге? Мне кажется, мы говорим об этом, а не о словах, не о семантике. Семантика – это в области языка. А мозг – это черный ящик; как он работает – никто не знает. А мы лингвисты, мы говорим про сферу языка. Результат, который мы получили, равен ли он выводу? Мне кажется, в этой логической цепочке есть сбой. Вот запомните собаку, у нее теперь есть команда: «К ноге», - у нее что, есть семантика, она знает, или это просто сигнал? Вы исследуете мозг. Мне понравилось у Марии Кирилловны насчет жестов: я скажу: «Во!», - и поднимаю палец. Могу ли я сказать, что в слове «Во!» есть поведенческая семантика или еще что-то? Мне кажется, здесь идет смешение сфер – сферы языка и сферы мозга. Они обе могут быть связаны с жестами, еще с чем-то. Когнитивная лингвистика? Наверное. Но с упором в когнитивную, а не в лингвистическую. Безусловно, я буду голосовать за, я получила большое удовольствие от обеих защит. Зоя Ивановна, большое спасибо, поставляете высокое качество работ.

Фельде О.В.: Работа носит дискуссионный характер. Мне хочется возразить, прежде всего, Елене Борисовне, потому что я в корне не согласна с тем, что в этой работе что-то не так с теорией. Работа, безусловно, имеет теоретическую направленность, и ее актуальность заключается, прежде всего, в попытке автора расширить методологическую базу отечественной лингвистики, сблизить отечественную и англосаксонскую традиции. Я посмотрела диссертацию: большая часть списка литературы – это не переведенные на русский язык источники, и их включение в научный оборот, я считаю, - большая заслуга автора. Работа носит новаторский характер, она сближает несколько наук, в ней есть трансдисциплинарность, которая в отечественной лингвистике значительно слабее представлена, чем в западной. Здесь есть и когнитивная основа, и психолингвистическая, и

семантическая; и для каждой из этих наук работа имеет значение. Что касается психолингвистике, то в ней, как мне представляется, усиливается стремление к экспланаторности, к объяснительности. Обращаясь к семантике русских существительных, - это область, обладающая высоким объяснительным потенциалом, - автор достигает этой экспланаторности. Плюс он привержен точным методам измеримости. Принцип измеримости ввел еще Декарт, от него отказались на какое-то время, но в последнее время в работах этот принцип измеримости снова выдвигается на первый план. Это существенно повышает доказательную базу лингвистики и точность наших выводов. Значима эта работа и для семантики, поскольку метод для отечественного языкознания новый.

Я согласна с тем, что в работе есть какие-то моменты, которые нуждаются в дальнейшем исследовании, и это плюс работы; она имеет перспективы – проверить эти выводы на новом материале. Не могу не отметить и прекрасную защиту: автор владеет материалом, он очень убедительно отвечал на все вопросы. В тех постулатах, которые сформулировал, он уверен. Я думаю, что наш сегодняшний спор объясняется разными подходами к языку. Те лингвисты, которые считают, что язык – это виртуальная система, не сомневаются, что все, что написано в работе, - правильно. Конечно, в работе рассматривается фундаментальная проблема языкового сознания и восприятия, и рассматривается убедительно. Поэтому я считаю, что работа выполнена очень хорошо, защита прошла блестяще, и безусловно буду голосовать за.

Трофимова Е.Б.: Что я имела в виду про птиц. Вот, что сказал мне Алексей Алексеевич. Он начитан. А я задала вопрос: вот Вы получили такие результаты, а за счет чего? Это язык? Вот, что я имела в виду.

Бринев К.И.: Я скажу два слова. Я начну с того, что работа соответствует всем параметрам. Я – эксперт, я безусловно пропустил эту работу к защите. То, что кто-то с чем-то не согласен, в том числе я, не значит, что работа плохая. К сожалению, традиции критического обсуждения не очень развиты, хотя это нацелено на рост. Я хочу обсудить мои вопросы в аспекте, который может быть полезен. Я выскажу свое мнение по поводу того, в какой точке можно было бы улучшить эту работу. Теория – это всегда испытание на неудачу. Если хорошая теория противостоит критике, то она продуктивна. Я скажу две вещи. У меня сложилось впечатление, что в некоторых местах когнитивная лингвистика сама по себе, а корреляционный анализ – сам по себе. Я не случайно задавал вопрос о подгоне, хотя это слишком оценочное слово. Исходить из позиции что-то доказать – это всегда непродуктивно. То есть, если хочешь что-то доказать, то ты всегда докажешь. А ставить вопрос при каких условиях, когда будет не соответствовать действительности, - это другой вопрос. Не только в статистическом плане в эмпирических науках нельзя доказать ни одну теорию. Потому что совокупность бесконечна, гипотеза формулируется при помощи кванторных высказываний для бесконечных множеств. То есть ни один положительный пример не является доказательством того, что это – истина, но одного

контрпримера достаточно, чтобы признать утверждение ложным. То есть, это модальность, цель исследования – доказать. Вот такой меня смутил еще момент, читаю: «Не вошедшая ни в один из факторов аудиальная модальность представляется, тем не менее, актуальной с точки зрения комплексного перцептивного описания семантики языковых единиц». Если мы исходим из корреляций, из факторов, то это значит, что аудиальная модальность у нас не вошла ни в один из факторов. То есть по логике нашей работы мы должны сразу сказать, что аудиальная модальность не значима. Но почему-то мы продолжаем считать ее значимой и описываем ее. У меня одно объяснение: потому что в когнитивной лингвистике сказано, что она значима. Несмотря на то, что статистические расчеты не подтвердили это, все равно надо рассмотреть. И сами шкалы тоже, повторюсь, может быть, они действительно придуманы не автором, но все равно, если я задаю вопрос в пространственных терминах, то естественно, я получу ответ в пространственных терминах. Ничего неожиданного в этом нет. Но из этого, на мой взгляд, сомнительно делать вывод, что пространственные вещи значимы для семантики.

На мой взгляд, если мы установили корреляцию, и выдвигаем гипотезу, что она значима, и за ней что-то стоит, мы должны предпринять еще какое-то действие, чтобы проверить эту гипотезу, то есть еще какой-то эксперимент провести с риском возможной ошибки. На мой взгляд, структура должна быть такой. То есть, если я предполагаю, что за этой корреляцией стоит зрительное или еще какое-то восприятие. Тогда надо провести эксперимент с контрольными группами, чтобы либо подтвердить наше предположение, либо опровергнуть. На мой взгляд в работе когнитивная лингвистика сама по себе, а корреляции сами по себе.

Но, уважаемые коллеги, я хочу в конце подчеркнуть, что это действительно достойно обсуждения, это способно улучшить исследования в этой области. Если нет, если они совершенны, тогда я зря говорю сейчас, я рад за эти исследования. Естественно, я буду голосовать за, никаких сомнений нет.

Араева Л.А.: Спасибо. Ульяна Михайловна, пожалуйста.

Трофимова У.М.: После выступления Константина Ивановича немного утратило смысл выступать. Диссертант продемонстрировал столь блестящую защиту, что очевидно, что у него большое научное будущее, и в каком-то плане немного жаль, если он растратит свой потенциал, оставаясь в пределах той теории, которую он сегодня продемонстрировал. Во-первых, методология независимо от онтологии не существует. Здесь все время идет челночный принцип: да, мы расширяем методологическую базу, но введение новых методов требует все время обращения к онтологии. Мы не защищаем авторитеты, любой авторитет должен быть подкреплён чем-то еще. Я не так широко использую статистические методы, я – лексиколог, это та проблема, которая мне близка. Мы используем статистические методы с теми же параметрами, которые были выявлены для других областей знания. Не нужно ли их корректировать при переносе в другую область? Я повторю очень

удачную, на мой взгляд, фразу: психолингвистический эксперимент – это уравнение со множеством неизвестных. То, что сказал Алексей Алексеевич – да, все субъективны, мы об этом не говорим. Но эти переменные все-таки могут варьироваться от эксперимента к эксперименту, поэтому они требуют описания. Вот есть такой эксперимент, который использует Алексей Алексеевич, – это оценка субъективного возраста усвоения слова. Если спросить меня, то я бы не могла участвовать в таком эксперименте. Более того, я представляю, что каждый информант может опираться на разный спектр своих ощущений. У меня есть критическое отношение к статистическим методам, не к нынешнему диссертанту, а в целом к той парадигме, которая сейчас очень интенсивно развивается, даже слишком интенсивно, методология обгоняет онтологию. Речь идет о каких-то скрытых категориях. Я недавно оппонировала диссертацию о подтексте, и мне показалось чрезвычайно интересным связать скрытые категории с подтекстовыми явлениями. Вот представьте себе, что практическая значимость этого исследования (там достаточно длинный список, я нисколько этого не отрицаю), но если бы автору удалось выйти в дискурсивную область, показать, каким образом эти категории реализуются в дискурсе, то весомость этого метода была бы намного выше, и это было бы не просто продолжение каких-то традиционных исследований в этой области, а действительно новое слово.

Араева Л.А.: Спасибо, Елена Михайловна. Коллеги, перед нами совершенно неожиданная работа, на очень высоком уровне, с использованием новых технологий, которыми мы не владеем. Но это здорово, что мы выходим за горизонт, что мы дискутируем и обсуждаем проблемы. Я тоже посмотрела список литературы: в два раза больше зарубежной литературы, не переводной, по сравнению с отечественной. То, что мы выходим и начинаем понимать – это хорошо. Но, Алексей Алексеевич, мне не понравилось то, что у Вас нет сомнений. Эта категоричность – это показатель узости, это то, от чего надо уходить, надо учиться сомневаться, понимать, что все не так просто. Например, когда Вы говорите категорично: концепт для меня – то же самое, что значение. А я не знаю, что такое концепт. И получается противоречие того, что дано в тексте, в словаре, и у Вас. Это проблема, и очень серьезная. Концепт стоит над языками. Подумайте над этим: надо ли столь категорично говорить? Я могу сказать, что чем больше знаешь, тем больше сомнений, так и должно быть.

Я, конечно, буду голосовать за. Я желаю Вам не останавливаться, работать плодотворно, Вы находитесь только в начале пути, где Вы сделаете много интересного. Сейчас вышла книга, труды Хомского, которые не переводились. Я читаю и не понимаю, там все идет от аппаратных методов: какой участок мозга анализируется. Я даже не понимаю, где это находится. А они через это смотрят на язык. Вы близки к тому, что там делается, но у Хомского это намного мощнее. Надо выходить на тот уровень, потому что Вы это можете.

Алексей Алексеевич, Вам заключительное слово.

Миклашевский А.А.: [произносит заключительное слово]

Араева Л.А.: Для проведения процедуры тайного голосования о присуждении Миклашевскому Алексею Алексеевичу научной степени кандидата филологических наук формируется счетная комиссия. Предлагаю в состав счетной комиссии избрать Шишигина Кирилла Александровича, Фомина Андрея Геннадьевича и Шкуропацкую Марину Геннадьевну. Ставлю на голосование вопрос о составе счетной комиссии. Все за.

Счетная комиссия избрана и приступает к работе. Необходимо проверить и опечатать урну. Напоминаю членам комиссии, что решение считается принятым, если за него проголосовало 9 членов совета.

Араева Л.А.: Слово для оглашения результатов работы счетной комиссии предоставляется ее председателю, Фомину Андрею Геннадьевичу.

Фомин А.Г.: Уважаемые коллеги! Позвольте огласить результаты тайного голосования. Состав совета – 21 человек; присутствовало – 16, докторов по профилю диссертации – 6. Выдано бюллетеней – 16, не выдано – 9. В урне оказалось 16 бюллетеней, «за» – 16, «против» – 0, недействительных – 0.

Араева Л.А.: Алексей Алексеевич, поздравляем Вас с присуждением ученой степени! Вы ознакомились с заключением диссертационного совета [(прилагается)], согласны?

Миклашевский А.А.: Да, согласен.

Араева Л.А.: Заседание объявляется закрытым.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ: На основании результатов тайного голосования членов диссертационного совета Д212.088.01 при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кемеровский государственный университет» («за» – 16, «против» – 0, недействительных бюллетеней – 0) считать, что диссертация Миклашевского Алексея Алексеевича «Перцептивная и пространственная семантика русских существительных: экспериментальное исследование» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для филологии, что соответствует требованиям, изложенным в пункте 9 действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней», и присудить МИКЛАШЕВСКОМУ АЛЕКСЕЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ ученую степень кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА

Д212.088.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ, по диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от 21.12.2018 № 378

о присуждении Миклашевскому Алексею Алексеевичу, гражданину Российской Федерации, ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19. – Теория языка.

Диссертация «Перцептивная и пространственная семантика русских существительных: экспериментальное исследование» по специальности 10.02.19. – Теория языка принята к защите 02.10.2018 (протокол № 361) диссертационным советом Д212.088.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», 650000, Кемерово, ул. Красная, 6, действующим на основании приказа № 714/нк от 02.11.2012.

Миклашевский Алексей Алексеевич родился в 1992 г. В 2015 году окончил ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ, по направлению «Филология» с присуждением квалификации «Магистр».

В настоящее время соискатель работает в должности научного сотрудника Потсдамского университета, Бранденбург, Германия; научного сотрудника Лаборатории лингвистической антропологии ФГАОУ ВО

«Национальный исследовательский Томский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ, Россия.

А.А. Миклашевский освоил программу подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ. Дата окончания аспирантуры – 06.07.2018.

Диссертация выполнена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ.

Научный руководитель – доктор филологических наук по специальности 10.02.01. – Русский язык, профессор, заведующий кафедрой, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ, **Резанова Зоя Ивановна**.

Официальные оппоненты:

1. **Тимофеева Мария Кирилловна**, гражданка Российской Федерации, доктор филологических наук по специальности 10.02.19. – Теория языка, старший научный сотрудник Института математики СО РАН, заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ, г. Новосибирск;

2. **Власов Михаил Сергеевич**, гражданин Российской Федерации, кандидат филологических наук по специальности 10.02.19. – Теория языка, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина», Министерство науки и высшего образования РФ, г. Бийск

дали положительные отзывы о диссертации.

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Министерство науки и высшего образования РФ, г. Москва, в своем положительном заключении отметила научную новизну, теоретическую и практическую значимость, достоверность и обоснованность результатов исследования (заключение составлено профессором кафедры теоретической и прикладной лингвистики Федоровой Ольгой Викторовной, доктором филологических наук по специальности 10.02.19. – Теория языка, доцентом, принято на заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Министерство науки и высшего образования РФ).

На автореферат диссертации поступило 5 отзывов:

- доктора филологических наук (специальность 10.02.19. – Теория языка), доцента, главного научного сотрудника Лаборатории психологии и психофизиологии творчества им. Б.В. Швыркова ФГБУН Института психологии РАН **Андрея Александровича Григорьева;**
- кандидата филологических наук (специальность 10.02.19. – Теория языка), директора Центра языка и мозга ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» **Ольги Викторовны Драгой;**
- кандидата психологических наук (специальность 19.00.02. – Психофизиология), научного сотрудника лаборатории психофизиологии им. Б.В. Швыркова ФГБУН Института психологии РАН **Марины Геннадьевны Колбеневой;**
- PhD (специальность 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии), ассоциированного профессора факультета психологии Нортумбрийского университета **Андрея Викторовича Мячикова;**
- кандидата филологических наук (специальность 10.02.01. – Русский язык), доцента, доцента кафедры математической лингвистики Санкт-

Петербургского государственного университета **Татьяны Георгиевны Скребцовой.**

Все отзывы положительные. Общие выводы по автореферату следующие: 1) диссертационное исследование соответствует специальности 10.02.19. – Теория языка; 2) работа соответствует критериям действующего Положения о присуждении ученых степеней; 3) соискатель заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук.

Имеются замечания, высказанные авторами отзывов.

Ольга Викторовна Драгой отметила, что, подробно перечислив эффекты, выявленные в онлайн-эксперименте, автор уделил недостаточно внимания интерпретации этих эффектов в автореферате диссертации. Марина Геннадьевна Колбенева указала, что автор недостаточно обосновывает совместимость терминов, разработанных в различных научных парадигмах (когнитивная психология, лингвистика, системная психофизиология) между собой, а также говорит о причинно-следственных отношениях между перцептивной- и пространственной информацией и процессами обработки языковой информации, тогда как в исследовании выявлены корреляционные отношения.

Соискатель имеет 6 опубликованных работ по теме диссертации, 4 из них – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, из которых 3 статьи – в журналах, входящих в базы цитирований Scopus/Web of Science.

Наиболее значимые научные работы по теме диссертации:

1. Миклашевский А.А. Проект психолингвистической базы данных: взаимоотношение между модальностью и другими характеристиками русских существительных // Когнитивные исследования языка. – М., Тамбов, СПб., 2015. – Вып. XXII: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы 21 Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 30 сентября - 2 октября 2015 г. – С. 550-551.

2. Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2016. – № 5 (43). – doi: 10.17223/19986645/43/6

3. Миклашевский А.А. О высоком и низком: пространственная семантика абстрактных и конкретных существительных // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 424. С.26-34. – doi: 10.17223/15617793/424/4

4. Miklashevsky, A. Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables // Journal of psycholinguistic research. – 2017. – С.1-21. – doi: 10.1007/s10936-017-9548-1

Выбор ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Министерство науки и высшего образования РФ, (г. Москва) в качестве ведущей организации обоснован тем, что исследования ученых кафедры теоретической и прикладной лингвистики проводятся в рамках экспериментальной психолингвистики и когнитивной лингвистики, в них активно применяются аппаратные экспериментальные методы и статистическая обработка больших массивов данных.

Тимофеева Мария Кирилловна, гражданка Российской Федерации, доктор филологических наук по специальности 10.02.19. – Теория языка, старший научный сотрудник Института математики СО РАН, заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ, выбрана официальным оппонентом в связи с тем, что направление ее исследований находится в русле изучения актуальных вопросов языковой семантики, в том числе, с применением компьютерного и математического инструментария, а также методологических проблем языкознания. За последние 5 лет ею опубликованы 5 работ, которые посвящены данным темам.

Власов Михаил Сергеевич, гражданин Российской Федерации, кандидат филологических наук по специальности 10.02.19. – Теория языка, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина», Министерство науки и высшего образования РФ, выбран официальным оппонентом в связи с тем, что направление его исследований находится в русле изучения актуальных проблем психолингвистики и когнитивной лингвистики, обработки языковой информации во времени, в том числе, экспериментальных исследований с применением аппаратных методов и статистической обработки больших массивов экспериментальных данных. За последние 5 лет им опубликованы 5 научных работ по данной проблематике.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований:

- *доказано* наличие перцептивных и пространственных компонентов в семантике конкретных и абстрактных существительных 16 семантических категорий;
- *выявлены* 3 перцептивных компонента в семантической структуре существительных (зрительно-моторный опыт, вкусовые и обонятельные ощущения, аудиальные ощущения, связанные со словом), а также пространственный компонент семантики;
- *систематически описана* перцептивная и пространственная информация существенной выборки русских существительных 16 семантических категорий;
- *определены* корреляции между различными психолингвистическими параметрами (сила связи слова с 5 типами ощущений, образность, субъективная и объективная частотность, субъективный возраст понимания, длина слова, расположение референта в пространстве, возможность манипулировать объектом при помощи рук), *проведена количественная оценка* степени такой корреляции;

- *выявлены факторы*, определяющие перцептивную и пространственную семантику существительных (принадлежность к семантической категории, абстрактность существительного, способ физического взаимодействия с референтом существительного);
- *проведено* сравнение отдельных семантических категорий между собой по всем рассмотренным психолингвистическим параметрам;
- *выявлены* статистически значимые отличия между семантическими категориями, с учетом чего *построены профили* перцептивной и пространственной семантики каждой из рассмотренных категорий;
- *проведена систематическая оценка* влияния перцептивной и пространственной информации на процессы идентификации существительных, в том числе, абстрактных существительных;
- *продемонстрирована* активация перцептивной семантики в процессе обработки слова в отсутствии контроля со стороны сознания.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что:

- *собраны новые данные* о перцептивной и пространственной семантике русских существительных;
- *доказана* необходимость учета перцептивной и пространственной информации при описании семантики существительных;
- в научный оборот *введены* новые идеи и методы, разрабатываемые в зарубежной когнитивной лингвистике;
- на материале русского языка *подтверждены и уточнены* положения теории воплощенного познания, теории концептуальной метафоры;
- *разработана* методология сбора и представления в цифровом виде семантического материала;
- *установлены* новые психолингвистические факторы, влияющие на процессы распознавания слова, – оценка существительных по шкале перцептивного и пространственного опыта.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что:

- *собрана* психолингвистическая база данных, которая может быть использована в качестве источника стимульного материала для экспериментальных когнитивных исследований, для обучения вычислительных моделей языка и обработки речи, в клинических исследованиях и практике – для выбора единиц при разработке тестов и терапевтических методик, в качестве нормативного источника информации для исследователей развития речи, детского когнитивного развития, в том числе, нарушений развития.

Оценка достоверности результатов исследования выявила:

- исследование опирается на фундаментальные работы по когнитивной лингвистике, когнитивной науке, экспериментальной психолингвистике, семантике;
- источниками языкового материала послужили апробированные базы стимулов, частотный словарь, составленный на основе данных Национального корпуса русского языка;
- собрано достаточное количество реакций на каждый стимул в психолингвистическом и аппаратном экспериментальных исследованиях, выборка репрезентативна;
- в ходе математического моделирования последовательно применяются признанные и многократно апробированные в смежных областях (психолингвистике, экспериментальной когнитивной науке, математической лингвистике) статистические методы и критерии;
- полученные результаты соотносятся с данными, представленными в смежных исследованиях на другом материале (психолингвистические базы данных на материале русского и английского языков, когнитивные исследования теории концептуальной метафоры).

Личный вклад соискателя состоит в постановке цели и задач исследования; формулировании научной гипотезы; выборе методологии, на основе которой был выполнен анализ отобранного и систематизированного эмпирического материала; интерпретации полученных результатов;

формулировании выводов и положений, выносимых на защиту; а также в представлении результатов исследования на конференциях и в подготовке публикаций по результатам выполненного исследования. Диссертантом были подготовлены публикации по материалам диссертации; апробации ее основных положений в виде научных докладов на конференциях.

На заседании «21» декабря 2018 г. диссертационный совет принял решение присудить А.А. Миклашевскому ученую степень кандидата филологических наук по специальности 10.02.19. – Теория языка.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 16 человек, из них 6 докторов наук по специальности 10.02.19. – Теория языка, участвовавших в заседании, из 21 человека, входящего в состав совета, проголосовали: за присуждение ученой степени 16, против присуждения ученой степени 0, недействительных бюллетеней 0.

Председатель
диссертационного совета

Ученый секретарь
диссертационного совета

21.12.2018

Араева
Людмила Алексеевна

Образцова
Мария Николаевна